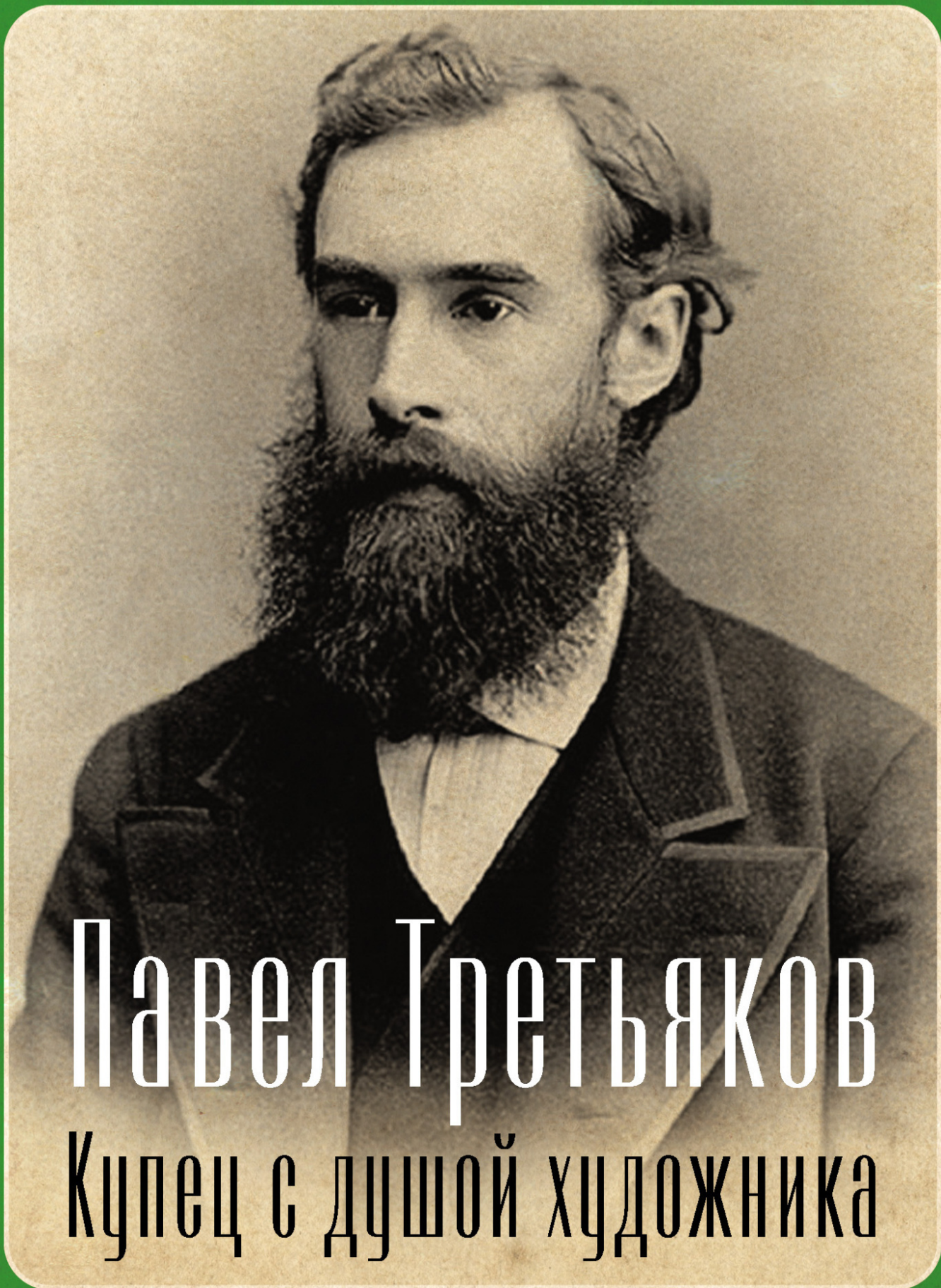

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

*Спасение России в том,
чтобы талантливые ее люди
друг другу не мешали,
а помогали бы друг другу.*

П. Третьяков

Павел Третьяков
Купец с душой художника

Культурный слой

Коллектив авторов

**Павел Третьяков. Купец
с душой художника**

«Алисторус»

2022

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)

Коллектив авторов

Павел Третьяков. Купец с душой художника / Коллектив авторов — «Алисторус», 2022 — (Культурный слой)

ISBN 978-5-00180-999-9

Третьяковская галерея для России – это больше, чем просто собрание картин. Это душа народа и осмысление его истории. «От вас крупное имя и дело останется», – говорил Павлу Третьякову Владимир Стасов. Эта книга раскрывает судьбу Третьякова и его великого детища, главной галереи всея Руси, которая носит имя своего создателя – крупнейшего меценат в истории русского искусства. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос)

ISBN 978-5-00180-999-9

© Коллектив авторов, 2022
© Алисторус, 2022

Содержание

Искусства русского приют	6
Собиратель на все времена	15
О моем отце – Павле Третьякове	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сергей Алдонин
Павел Третьяков. Купец
с душой художника

© Алдонин С., 2022

© ООО «ТДА», 2022

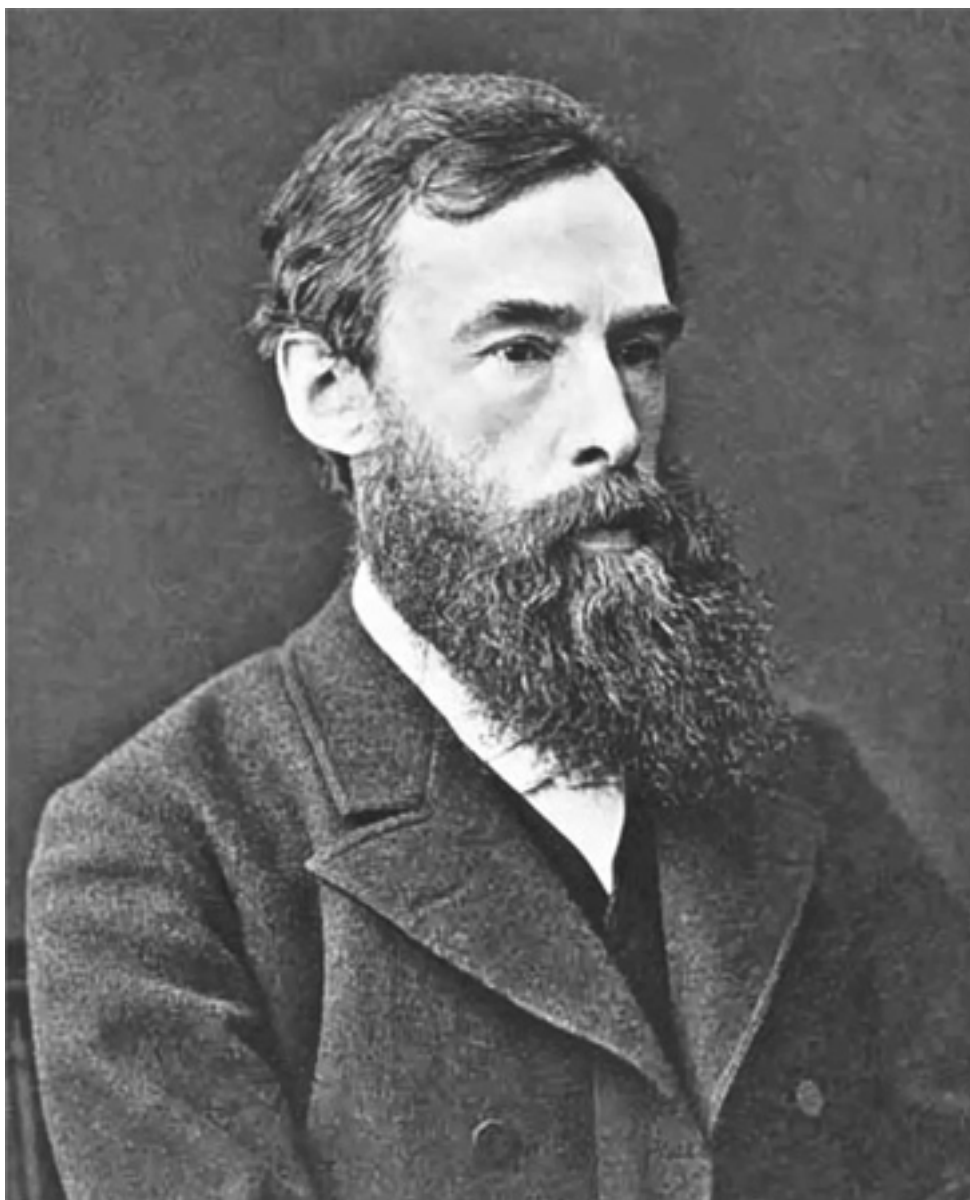
© ООО «Издательство Родина», 2022

* * *

Искусства русского приют

История Третьяковской галереи ведет отсчет с 22 мая 1856 года.

В это день ее основатель впервые купил русскую картину и начал коллекционировать отечественную живопись. Все начиналось с полотна молодого художника Василия Худякова «Стычка с финляндскими контрабандистами». Затем последовало приобретение картины Николая Шильдера «Искушение». Так две не самые известные, но оттого не менее дорогие во всех смыслах вещи вошли в историю. До этого Третьяков собирал европейскую живопись, но бессистемно, а тут нашел свое призвание в жизни.

Павел Третьяков

Павел Михайлович Третьяков (1832–1898) посвятил себя собирательству и искусству. Потомственный купец из старообрядцев, он с молодых лет проявил себя и как предприимчивый, и как весьма культурный деловой человек. Построил бумагопрядильные фабрики, на

которых было занято несколько тысяч человек. И одновременно – болел за русское искусство, за русскую литературу.

Завещание от слова «завет»

Начинание Павла Третьякова повлияло не только на судьбу отечественного изобразительного искусства. Галерея дала толчок возрождению национальной линии в литературе, зодчестве, способствовала осмыслению родной истории. К русской живописи в середине XIX столетия относились с некоторым пренебрежением, и нужно было открывать ее миру заново. Благодаря Третьякову и другим патриотически настроенным меценатам она встала вровень с русской словесностью, успешно освоила множество новых жанров и направлений.

Свой первый, довольно скромный дом в Лаврушинском переулке Павел Михайлович купил в 1851 году. Купец тогда еще только начинал главное дело своей жизни и, отправляясь в путешествие, оставил на всякий случай наказ: «Сто пятьдесят тысяч рублей серебром я завещаю на устройство в Москве художественного музея или общественной картинной галереи». К счастью, жить ему после этого суждено было долго, и к своей заветной цели он пришел самостоятельно.

В. Худяков. Стычка с финляндскими контрабандистами

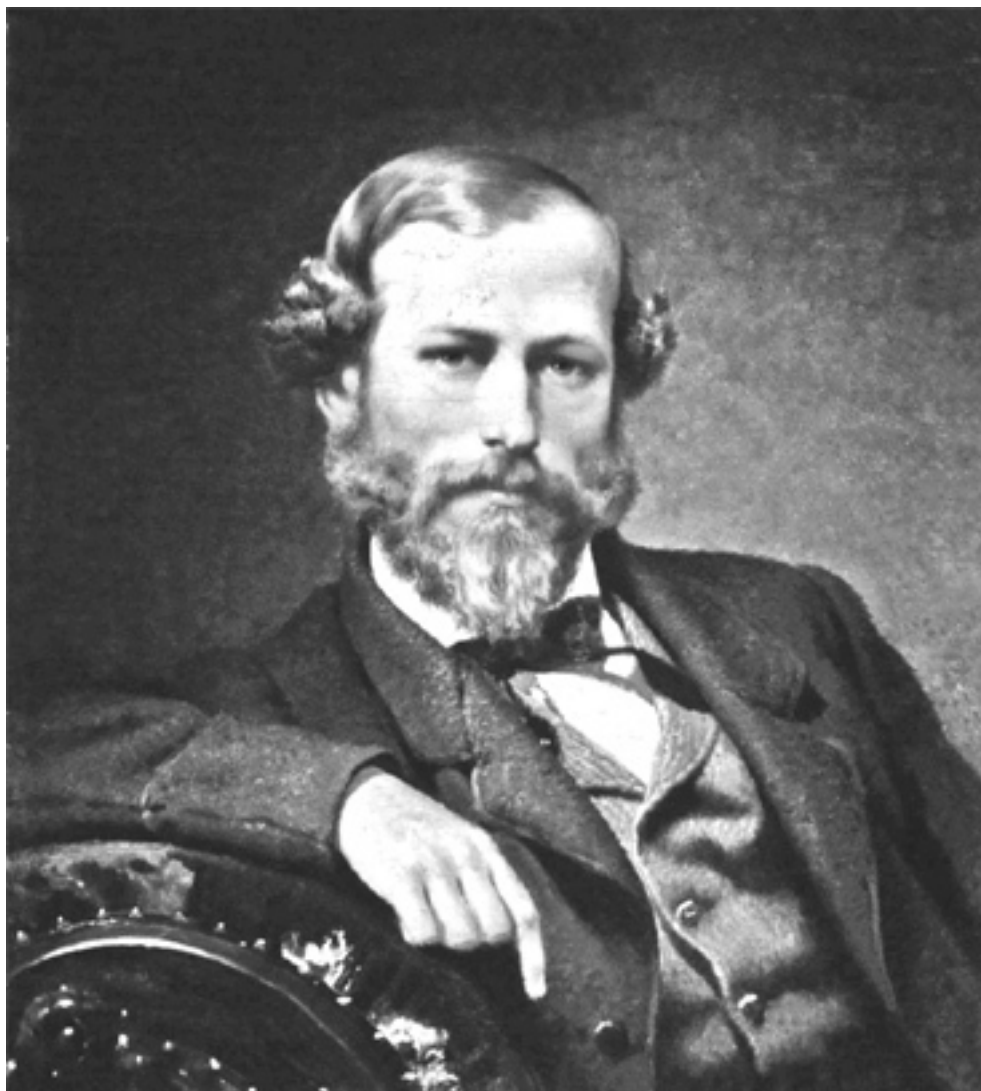
Постепенно его коллекция превращалась в настоящую энциклопедию русской жизни. Именно такого результата и добивался меценат, помогая художникам обрести неповторимую русскую тональность, почти не звучавшую прежде. «Христос в пустыне» Ивана Крамского, «Грачи прилетели» Алексея Саврасова, произведения Валентина Серова, Михаила Нестерова, Николая Ге и многих других прославленных живописцев, возможно, никогда бы не пополнили сокровищницу нашего искусства без деятельного соучастия и финансовой поддержки со стороны Павла Третьякова.

Образы русской истории

Первой исторической картиной в его собрании стала «Княжна Тараканова» Константина Флавицкого. Художник обратился к легендарному сюжету екатерининского времени: молодая красавица-самозванка томится в застенках Петропавловской крепости, город охвачен наводнением, про узницу все забыли, спасения нет; она забралась на постель, подступает вода, все ближе неминуемая смерть; в глазах женщины – отблеск уже иного мира... Это вымысел, скорее всего, Тараканова умерла от чахотки и не во время наводнения, но как же полюбили эту картину в народе! Она привлекала даже тех, кто сроду не посещал выставок, – такая была жажда на русскую историю в художественном исполнении.

Стараниями великого собирателя в конце XIX века у нас процветала уникальная, не имеющая аналогов в мировом искусстве живопись. Третьяков одним из первых прочувствовал скрытую до поры мощь народной темы. Три больших художника с недюжинной силой занялись в тот период осмыслением прошлого России: Константин Маковский, Илья Репин, Василий Суриков. Исторические полотна Константина Егоровича (за них автор запрашивал огромные деньги) разлетелись по всему миру: например, «Боярский свадебный пир», открывший для многих красоту русской жизни XVII века, оказался в США. Такое преподнесение истории Третьяков находил слишком поверхностным, декоративным, зато на суриковское «Утро стрелецкой казни» меценат не поскупился. И не прогадал, напряжение исторической драмы картина передает так, что у иного зрителя кровь в жилах стынет: тут и решительность Петра, готового через многое переступить, чтобы перестроить Россию на свой лад, и трагедия стрельцов, не просящих пощады пред лицом «нового века». Художник, по всему видно, оплакивал их судьбу.

С Репиным Павел Третьяков сотрудничал долго, но иногда коллекционеру приходилось бороться за картины мэтра с самим Александром III, который, как известно, тоже знал толк в живописи. Илья Ефимович работал быстро, порывисто, однако хаотическую гармонию своих «Запорожцев» создавал десять лет. «Запорожье меня восхищает этой свободой, этим подъемом рыцарского духа. Удалые силы русского народа отреклись от житейских благ и основали равноправное братство на защиту лучших своих принципов веры православной и личности человеческой», – так живописец объяснял свое отношение к днепровским героям. Первый вариант полотна оказался у Третьякова, окончательный – у императора, поэтому сегодня картину можно увидеть и в Москве, и в Петербурге.

Константин Флавицкий

Самой сенсационной и даже скандальной вещью третьяковского собрания было и остается полотно «Иван Грозный и сын его Иван». Его создание ассоциативно связывалось с кровавой полосой отечественной истории – серией терактов, убийством Александра II, ответной реакцией властей. «Мне минутами становилось страшно. Я отворачивался от этой картины, прятал ее», – рассказывал Репин.

Это полотно первым в истории русского искусства подверглось цензурному запрету: картину предписывалось «не допускать для выставок и вообще не позволять распространения ее в публике какими-либо другими способами». Правда, действовало табу всего лишь три месяца, после чего «кровавое полотно» стало одним из самых популярных в Третьяковской галерее. В 1913 году иконописец-старообрядец Абрам Балашов набросился на него с ножом и словами «Довольно крови!».

Картину пришлось реставрировать, хотя поначалу автор решил, что «это невосстановимо» (в 2018 году на нее напал еще один вандал и снова нанес увечья шедевр).

Она и сегодня вызывает ожесточенные споры поклонников и непримиримых критиков и тем не менее уже давно является одним из символов нашего культурного кода – как знак глубокого, потаенного трагизма истории. Васнецовская Аленушка, суриковский Меншиков (опальный, больной, он не может встать во весь рост в своей низенькой сибирской избенке), разборчивая невеста Павла Федотова, которую дожидается офицер, – третьяковский список заветных

русских картин можно продолжать долго. Каждая из них показывает важную черту народного характера, открывает такие глубины, в которые зритель погружается долго и самозабвенно.

«Поэзия может быть во всем»

Третьяков не особо жаловал академическую живопись с ее увлечением античными и ветхозаветными сюжетами, театрализацией композиций. Известны слова основателя галереи: «Мне не нужно ни богатой природы, ни великолепной композиции, ни эффектного освещения, никаких чудес, дайте мне хоть лужу грязную, но чтобы в ней правда была, поэзия, а поэзия во всем может быть, это дело художника», – такой взгляд соответствовал принципам передвижников, создавших основу коллекции.

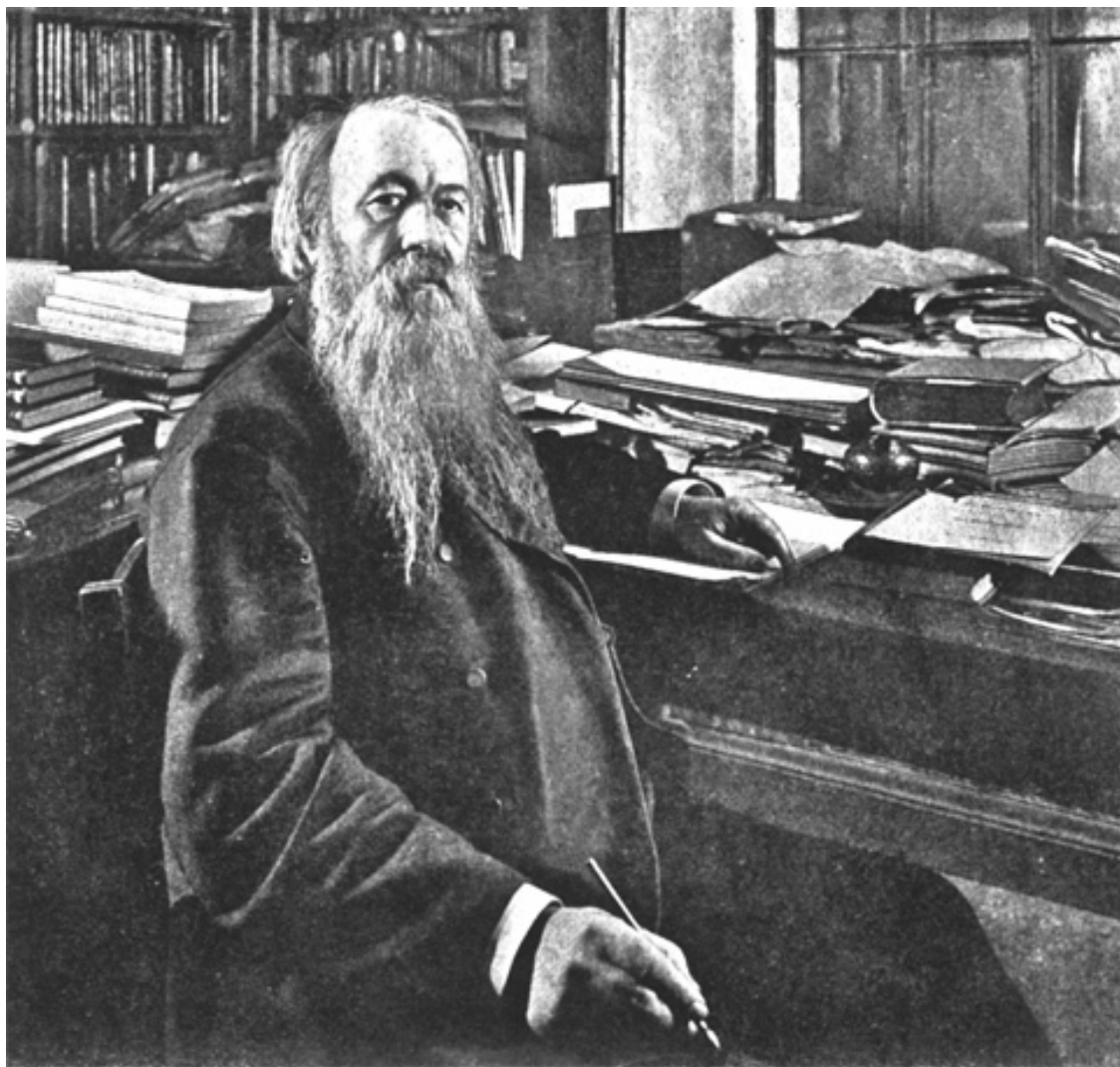
К концу 1860-х он задумал создать портретную галерею выдающихся деятелей отечественной культуры: композиторов, писателей, художников – «лиц, дорогих русской нации». Замысел не имел отношения к «собирательским» амбициям, Павел Михайлович стремился увековечить тех, кто олицетворяет русский золотой век, время, когда наша словесность, музыка, наука достигли мирового уровня. Цикл должен был максимально полно представить «сеятелей разумного, доброго, вечного», коим отдадут должное потомки.

Старый друг Третьякова Василий Перов написал тогда по его заказу несколько картин, включая настоящие шедевры (такие, например, как изображения Федора Достоевского и Александра Островского). Этому живописцу были подвластны все жанры, он смело, изобретательно отображал жизнь «отверженных», создавал потрясающие исторические композиции, по праву считался мастером психологического портрета.

Лев Толстой, человек, по известному определению, матерый, упрямый, наотрез отказывался позировать художникам. Понимавший его значение для русской литературы меценат годами вел приступ этой крепости. Уговорить графа удалось Ивану Крамскому, и сегодня замечательный портрет его кисти стал хрестоматийным. В этой задумке – патриотическая суть главного замысла Третьякова, стремившегося как можно больше сделать для Отечества, для российской исторической памяти.

Третьяков относится к демократическому направлению русской мысли. Вот уж кто не был консерватором! Он поддерживал все смелое, новое – при условии талантливости. Так поддержку коллекционеры получили вольнодумные полотна Ильи Репина, Василия Сурикова, Николая Ге. По существу, они приближали революцию.

Недаром Владимир Стасов – мыслитель революционно-патриотического направления – несмотря на сложные отношения с Третьяковым, в основном поддерживал коллекционера и тонко понимал его замысел. Он писал: «Картинная галерея П. М. Третьякова мало похожа на другие русские галереи. Она не случайное сборище картин, она результат знания, соображения, строгого взвешивания и все более глубокой любви к своему дорогому делу». Действительно, у Третьякова получилась необычная, единственная в своем роде галерея. Настоящий дом русского искусства, главным образом – реалистического.

Владимир Стасов

Эпиграфом к жизни и деятельности Третьякова стали слова все того же Стасова: «От вас крупное имя и дело останется».

Целью Третьякова было собрать не просто собрать картины. Он собирал лучшее и десятки раз помогал художникам найти свое лицо.

В 1892 году Третьяков передал свою уникальную галерею русской живописи в дар Москве. Государственная дума, принимая столь щедрый подарок, назначила Павла Михайловича пожизненным попечителем галереи. «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, приносящего многим пользу, всем удовольствие», – говорилось в завещании великого галериста.

Реформы Грабаря

В первые месяцы советской власти Третьяковку опекал Игорь Грабарь, которому удалось наладить неплохие отношения с новым руководством страны. Он перестроил экспозицию по хронологическому принципу, чтобы перед посетителями страница за страницей открывалась летопись русского искусства – от древней иконописи до авангарда. Не всем художникам пришлось по душе преобразования реформатора, многие скучали по прежним интерьерам.

Однако Грабарь не только сберег наследие Третьякова, но и превратил галерею в настоящий культурный центр с реставрационными мастерскими, библиотекой, разнообразной лекционной деятельностью. В 1923 году появилась традиция вывешивать на стенах пояснения к картинам, зачастую – в духе того революционного времени. Но вскоре от этой затеи отказались: живопись говорит сама за себя и не нуждается в однозначных прямолинейных трактовках.

За два десятилетия после 1917-го экспозиция увеличилась в 5–6 раз, что, в общем-то, неудивительно, ведь галерея по праву считалась главным хранилищем русского искусства, сюда свозили все лучшее из частных коллекций, подпадавших под закон о национализации: шедевры Карла Брюллова, Владимира Боровиковского, Александра Иванова... Для полотна «Явление Христа народу» пришлось в Лаврушинском соорудить пристройку со специальным помещением. Появился и целый зал с маринистикой Ивана Айвазовского, которого основатель галереи почти «упустил». Основу Румянцевского музея – собрание крупнейшего коллекционера русской живописи Федора Прянишникова – Павел Третьяков когда-то намеревался купить, но сделка сорвалась. И вот в 1920-е словно сбылась его мечта, ценнейшая коллекцияполнила созданную им галерею. Поступали сюда и лучшие работы современных на тот период художников.

Третьяковский разговор

Такая галерея могла появиться только в Первопрестольной, где державный, столичный дух отменно сочетается с провинциально-деревенской простотой – как в поленовском «дворике». Третьяковка, несмотря на свое фундаментальное значение, лишена помпезности, по-прежнему ведет непринужденный – иногда взволнованный, порой вполголоса – разговор со своими многочисленными гостями. Разросшийся дом в Лаврушинском переулке стал собранием русских чудес. Здесь имеется добрая дюжина полотен, без которых невозможно представить себе наш народный характер, национальную культуру, Родину. Недаром всем известный облик галереи создавал в начале XX века не кто иной, как Виктор Васнецов. Он помогал архитекторам придать нескольким корпусам единый узорчато-теремной вид – «как из бабушкиной сказки».

Третьяковская галерея

Мы подолгу стоим перед картинами, путешествуем по эпохам – страницам великой русской драмы-героики. Вот «Богатыри» из вольной, былинной Руси, а написано полотно в конце XIX века, и вовсе не случайно Илья Муромец внешне чем-то напоминает императора Александра III. Вглядываясь в васнецовские горизонты, не только видим сторожевую заставу в чистом поле, но и вспоминаем грандиозные, посильные только для настоящих богатырей свершения предков.

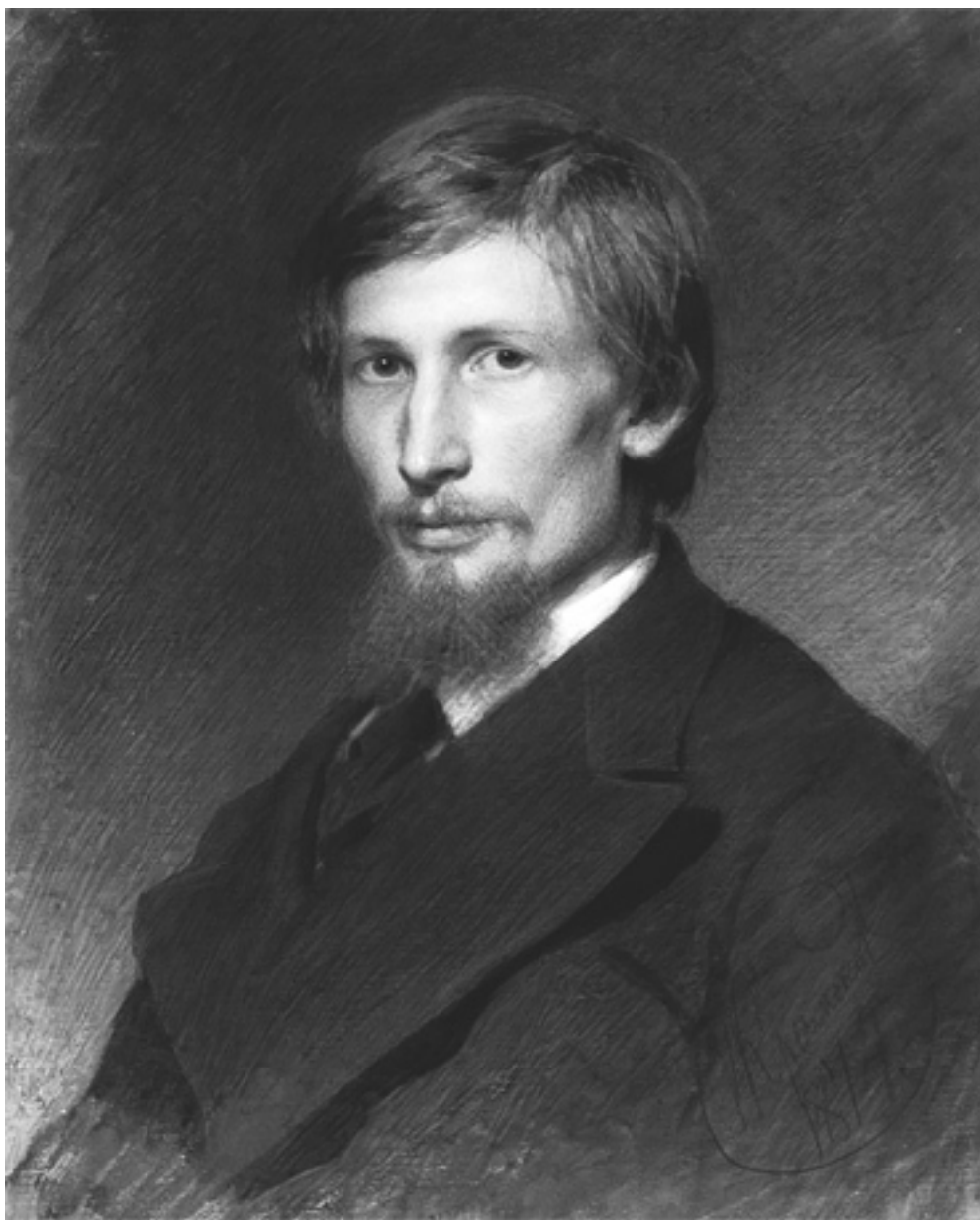
А вот совсем другая эпоха, послевоенный 1947-й. В тот год огромный успех выпал на долю Александра Лактионова с его картиной «Письмо с фронта». Художник работал лишь по утрам, когда сияло солнце, и его полотно светится счастьем. В волосах персонажей играют солнечные лучи, озаряя добрые, радостные лица. После многих тревожных дней и ночей они узнали, что их отец и муж жив, невредим и скоро вернется с фронта. Улыбается и доставивший письмо боец, ведь войне скоро конец... Картину поначалу сочли «идеологически не выдержанной». В то время в искусстве утвердился триумфальный, помпезный стиль, а у Лактионова видим кое-как одетых людей, облупившуюся штукатурку, крыльцо с проломленными досками. Возле этой работы собирались толпы, многие плакали. Автор рассказал о войне проникновенно, удивительно сердечно, взволнованно.

Вечный спектакль

В современной Москве две Третьяковки. Первая – на прежнем месте, в Лаврушинском переулке, где сегодня гораздо просторнее, чем, скажем, лет 30 назад (рядом со старыми зданиями выросло новое).

Есть и вторая – на Крымском Валу. Там размещена экспозиция, посвященная XX веку. Раньше Белокаменную невозможно было представить без Третьяковской галереи, а сегодня – без двух.

В них почти никогда не бывает малоллюдно. За правдой русского искусства, за теми образами, которые знакомы и близки нам с детства, сюда устремляются массы людей. Тут мы познаем тихую, по выражению Тютчева, «скудную» красоту родной природы. Именно об этом мечтал 165 лет назад основатель Третьяковки – о вечном разговоре художников с публикой. Заложенные великим меценатом традиции живы, чудесный спектакль, в котором собраны лучшие силы отечественного искусства, продолжается.

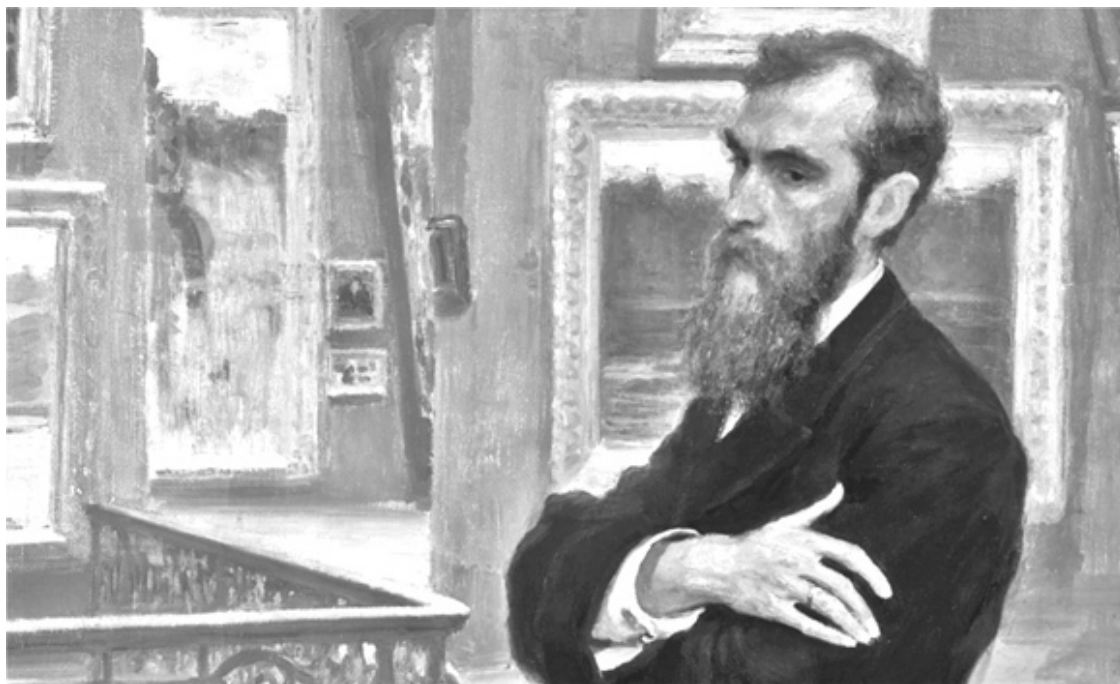
Виктор Васнецов

В этой книге вы из первых уст узнаете о жизни Павла Третьякова и его галереи, в которой можно разгадывать тайну русской души.

*Арсений Замостьянов,
заместитель главного редактора
журнала «Историк»*

Собиратель на все времена

Павел Михайлович Третьяков посвятил свою жизнь созданию коллекции картин русских живописцев, которую он с самого начала задумал подарить городу. Годом основания Третьяковской галереи принято считать 1856 год, когда Третьяков приобрел две картины русских художников – «Искушение» Н. Г. Шильдера и «Стычка с финляндскими контрабандистами» В. Г. Худякова. Хотя ранее он уже купил 9 картин старых голландских мастеров.

И. Репин. Портрет Павла Третьякова

На протяжении долгих лет Павел Третьяков материально поддерживал Крамского, Перова, Ф. Васильева и многих других, и в то же время, приобретая их работы, озвучивал довольно умеренные цены, иногда отказываясь от покупки чересчур дорогих картин. Целью Третьякова было не просто собрать работы лучших представителей русской школы, а представить ее во всей полноте. В 1874 году Третьяков построил для собранной коллекции здание – галерею, которая в 1881 году была открыта для всеобщего посещения. Павел Третьяков изначально собирался передать свое собрание картин городу, а толчком к открытию музея послужила внезапная смерть младшего брата – Сергея Михайловича, в 1892 году. В августе 1892 года Третьяков передал свою коллекцию вместе со зданием галереи в собственность Московской городской думы. Год спустя это заведение получило название «Городская художественная галерея Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых». Павел Третьяков был назначен пожизненным попечителем галереи и получил звание Почётного гражданина Москвы. В народной памяти остался как собиратель на все времена, истинный служитель искусства.

Жизнь подвижника по крупицам воспоминаний сохранила для нас Александра Павловна Боткина-Третьякова, дочь основателя галереи. Достоянная его преемница.

Евгений Александров

О моем отце – Павле Третьякове

Род Третьяковых

Павел Михайлович Третьяков происходил из старого, но небогатого купеческого рода. Прадед его Елисей Мартынович, из купцов города Малого Ярославца, прибыл в 1774 году семидесятилетним стариком в Москву с семьей – женой Василисой Трифоновной, дочерью малоярославецкого купца Трифона Бычкова, и двумя сыновьями – Захаром и Осипом. О более ранних предках Павла Михайловича нам ничего не удалось узнать, так как в архиве города Малого Ярославца имеются дела и документы только начиная с 1812 года. Все, что было раньше, сгорело, вероятно, во время отступления Наполеона из России.

Александра Боткина

В 1782 году Елисей Мартынович Третьяков поминается в реестре купеческих сказок Московской купеческой управы по Таганной слободе. Он числится купцом 3-й гильдии и живет в приходе церкви Иоанна Богослова на Бронной в собственном доме.

В это время Захар Елисеевич, которому двадцать девять лет, женат на дочери московского 3-й гильдии купца Луки Яковлева, 16-летней Лукерье Лукиной. Осип холост. Из следующей переписки Купеческой управы 1795 года видно, что старики уже умерли, Захар Елисеевич числится купцом 3-й гильдии, имеет четверых детей: Василия, Екатерину, Ивана и Петра и живет в собственном доме Якиманской части в приходе церкви св. Николая, что в Голутвине на Бабьем городке. Из купчей крепости мы узнаем, что дом этот он только что купил в 1795 году у лейб-гвардии сержантов братьев Михайла и Александра Павловых, которые продали ему свой «крепостной на белой земле двор со всяким в нем дворовым хоромным ветхим деревянным строением и с пустопорожнею за ним землею» за тысячу рублей. Это скромное владение сделалось родовым гнездом; в нем родились Михаил Захарович и Павел Михайлович Третьяковы.

В 1797 году у Третьяковых родилась дочь Александра. В 1800 году Лукерья умерла, и Захар Елисеевич, оставшись с пятью малолетними детьми, женился снова. В 1801 году от второй жены, Авдотьи Васильевны, родился сын Михаил, а в 1808 году – сын Сергей.

Захар Елисеевич умер в 1816 году, оставив семье домик в Николо-Голутвине, пять смежных лавок на углу Холщевского и Золотокружевного рядов и сумму денег, внесенную в Опекунский совет по несовершеннолетию младших сыновей.

Не будучи разделены, братья торговали порознь, каждый для себя, на каковой предмет имели от разных лиц кредитное доверие. Дочери, выданные замуж при жизни отца (Екатерина – за московского купца Григорьева, Александра – за мещанина Хилкова), получили от отца «приданое награждение».

Несмотря на молодость, Михаил Захарович проявляет в торговле большую энергию и способности. Счета его с каждым годом растут и торговля расширяется.

В 1831 году Михаил Захарович женился на Александре Даниловне Борисовой. Данило Иванович Борисов был крупный коммерсант по экспорту сала в Англию, жил в собственном доме за Тверской заставой и по зимам надолго уезжал по делам из Москвы, а иногда увозил в Петербург всю семью. Был у него сын, Матвей Данилович, – личность, ничем не выделявшаяся, и пять дочерей: Прасковья была замужем за Челышовым, Клавдия – за каретником Ильиным, Елизавета – за Белкиным и Анна – за Павловым.

Александра Даниловна писала с «запиночкой», но мило играла на фортепиано и по желанию отца играла перед гостями. Я помню мое удивление: мне было лет семь, в Кунцеве на даче у Коншиных на семейном празднике бабушку Александру Даниловну просили сыграть на фортепиано. Она села и сыграла что-то. Гораздо позднее, когда я услышала в концертном исполнении полонез Огинского, я узнала вещь, игранную нашей бабушкой. Отец Александры Даниловны, давший за нею в приданое пятнадцать тысяч рублей, смотрел на брак ее с Михаилом Захаровичем как на неравный. Сестры ее ездили на четверках, а молодые Третьяковы несколько лет не держали собственных лошадей.

Павел Третьяков с детьми

Но время показало, что этот зять Борисова был деловым и удачливым. С 1832 года пошли дети: в 1832 году – Павел, в 1834 – Сергей, в 1835 – Лизавета, в 1836 – Данило, в 1839 – Софья, в 1843 – Александра, в 1844 – Николай и в 1846 году – Михаил.

О Михаиле Захаровиче его современники рассказывали, что он был человек умный и, хотя образования не получил, но мог говорить о чем угодно и говорил приятно и увлекательно. Когда его спрашивали, где он учился, что так хорошо говорит, он отвечал: в Голутвинском Константиновском институте, что означало – у Голутвинского дьячка Константина. Умный в разговоре, он еще умнее был по жизни, по торговым делам своим, а главное, в жизни семейной и в деле воспитания детей своих. Детям он дал правильное, полное домашнее образование. Учителя ходили на дом, и Михаил Захарович строго следил за их обучением.

Сыновья Михаила Захаровича приучались под руководством отца вести торговые книги. Павел Михайлович, хотя и полный юмора, был в делах очень серьезен и пользовался большим доверием отца. В 1847 году Михаил Захарович пишет: «Все обязательства и документы известны как жене, так и старшему сыну, с аккуратностью вписаны в книгу, писано же которые моей, а некоторые сыновней, Павловой, рукой». А было сыну Павлу пятнадцать лет.

Сергей же был живой и легкомысленный, любил наряжаться. Раз как-то купил себе, не спросив разрешения, щегольские ботинки, за что ему и попало от отца.

Семья Третьяковых давно уже не вместила в небольшом домике на Бабьем городке. Въехали они на Якиманку, в дом Шамшуриных в приходе Ивана Воина. А потом они жили в доме Рябушинских в том же приходе.

В 1847 году Михаил Захарович, чувствуя слабость своего здоровья, написал собственноручно на двенадцати страницах завещание с советами жене и семье, как жить, и назначением, кому владеть. Его распоряжения были рассудительны и гуманны.

В своем завещании он назначал жену свою, Александру Даниловну, опекуницей детей с правом выбора по своему желанию второго опекуна. А в случае, если ко времени его смерти сын Павел достигнет совершеннолетия, то вторым опекуном будет он. Михаил Захарович просил жену держать дочерей при себе и по исполнении возраста выдать их замуж и назначить награждение по своему усмотрению. Сыновей же до совершеннолетия воспитывать, «от торговли и от своего сословия не отстранять и прилично образовать».

О должниках он пишет: «Завещаю тебе за неплатеж моих должников не содержать в тюремном замке, а стараться получать благосклонно и не давая сие завещание в огласку, а со вниманием узнавая должников, которые медленно платят, и ежели они стеснены своими обстоятельствами, то таковым старайся, не оглашая, простить».

В 1848 году семью Третьяковых постигло горе. В течение одного месяца – с 11 июля по 6 августа – от скарлатины умерло четверо детей: двенадцатилетний живой и способный мальчик Данила и трое малышей.

В следующем 1849 году родилась дочь Надежда, оставшаяся по смерти отца году и трех месяцев. Михаил Захарович умер в 1850 году, сорока девяти лет от роду. После смерти его осталось новое формальное завещание, по которому все движимое и недвижимое имущество, родовое, наследственное и благоприобретенное, он оставлял сыновьям своим Павлу и Сергею, с тем чтобы продолжали его дело в таком виде, как было при нем.

На словах он выразил желание, чтобы сыновья взяли в компаньоны старшего доверенного приказчика В. Д. Коншина, и просил дочь свою Лизавету по достижении возраста выйти за него замуж. Лизавете Михайловне было в это время пятнадцать лет, брак этот ее пугал, она плакала и умоляла, но понемногу свыклась и примирилась с этой мыслью.

Братья просили мать быть хозяйкой в деле, а они продолжали бы работать, как при жизни отца. К сестрам по желанию старшего брата взяли гувернантку, немку Амалию Ивановну, которую вскоре заменила русская – девица из дворянской семьи, очень образованная – Прасковья Алексеевна Щекина. А братья днем сидели в лавке, занимались делами, а по вечерам продолжали свое образование. Приходили учителя, и молодые люди учились и читали до глубокой ночи.

В 1851 году ввиду приближающегося срока свадьбы сестры братья решили приобрести в собственность поместительный дом. Представлялся случай, и они купили у администрации по делам купцов Шестовых дом в Толмачах, который и послужил основой Третьяковской галереи. По преданию, северо-западный угол этого дома обгорел во время пожара Москвы в 1812 году. Третьяковы въехали в обстановку Шестовых.

13 января 1852 года была свадьба Лизаветы Михайловны с Владимиром Дмитриевичем Коншиным, и молодые поселились внизу, заняв две комнаты окнами в сад. Рядом с ними, в угловой и следующей по южной стороне дома комнате, устроились братья. Мать с дочерью Софьей заняли две комнаты в бельэтаже, а маленькая дочь с гувернанткой жили на антресолях, которые составляли третий этаж над одной половиной дома. Другая же половина была из двух этажей, причем три парадных покоя – две гостиных и зал с хорами – составляли всю южную половину бельэтажа. Особенно своеобразно были устроены лестница и антре. Прямо против входа начинался и шел вглубь род тоннеля, перекрытием которому служила площадка на половине лестницы. До площадки вели по бокам два узких марша. Такие же спускались и в другую сторону. Наверх, от середины площадки, шли в разные стороны широкие марши. Со

стороны фасада было широкое итальянское окно, выходившее во двор. Стены над лестницей украшали медальоны.

Дом стоял в глубине двора. По обеим сторонам двора вдоль Лаврушинского переулка были подсобные флигели, которые стоят и теперь. В одном помещались кухня, прачечная, кладовые. В другом – каретный сарай, конюшни. Коровники были на так называемом «заднем» дворе и отделялись от «переднего» двора каменным забором с воротами.

За домом был тенистый сад, вдоль заборов росли старые тополя и кусты акации, скрывавшие высокие заборы. Посреди сада возвышались группы фруктовых деревьев, большие груши, китайские яблони, росли кусты сирени и шиповника – розового, красного и оранжевого. Из средней по фасаду комнаты нижнего этажа был выход на балкон. Напротив балкона у забора стояла беседка, в которой пили чай, варили варенье. Садом пользовались много и с любовью, особенно в те годы, когда летом не ездили на дачу и оставались в городе.

Комментарии

Правильные повинности купцы стали нести при Екатерине II. Объявивший капитал от 1 до 5 тысяч принадлежал к 3-й гильдии и мог отправлять мелочный торг; объявивший капитал от 5 до 10 тысяч принадлежал ко 2-й гильдии и торговал, чем хотел, исключая торговлю на судах, да еще не мог держать фабрик; объявивший от 10 до 50 тысяч и плативший по одному проценту принадлежал к 1-й гильдии и мог производить иностранную торговлю и иметь заводы. Имевшие корабли и дело не менее как на 100 тысяч рублей отличались от купцов 1-й гильдии тем, что назывались «именитыми гражданами» – это звание давало право ездить в городе в четыре лошади, иметь загородные дачи, сады, а также заводы и фабрики. Они наравне с дворянами освобождались от телесного наказания. Купечество 1-й и 2-й гильдий тоже освобождалось от телесного наказания. Купцам 1-й гильдии дозволялось ездить в карете парой.

ТРЕТЬЯКОВ Иван Захарович (1790–1859), дядя П. М. Третьякова. Имеется его портрет, рисунок сепией Н. В. Неврева, поступивший в собрание галереи как дар автора.

ТРЕТЬЯКОВА Александра Даниловна (1812–1899). Ее портрет работы И. Е. Репина (1878) находится в Третьяковской галерее.

БОРИСОВ Даниил Иванович (ум. 1850). В Третьяковской галерее имеется его портрет работы Е. А. Плюшара (1838), переданный в дар А. Д. Третьяковой.

ОГИНСКИЙ Михаил Андреевич (1765–1833), польский композитор, участник восстания 1794 года под руководством Т. Костюшко, после подавления которого Огинский вынужден был эмигрировать в Италию.

ТРЕТЬЯКОВ Сергей Михайлович (1834–1892), коллекционер, московский городской голова (1877–1881), имел первоклассное собрание произведений западных художников, которое, согласно его завещанию присоединенное к собранию П. М. Третьякова, было передано в 1892 году городу Москве вместе с несколькими картинами и скульптурами русских художников, находящихся в его доме на Пречистенском бульваре. В 1925 году картины иностранных художников из собрания С. М. Третьякова были переданы в Гос. музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и Музей нового западного искусства.

В собрании Гос. Третьяковской галереи имеется портрет С. М. Третьякова, написанный В. А. Серовым (1895).

ТРЕТЬЯКОВА Елизавета Михайловна (1835–1870), в замужестве Коншина.

ТРЕТЬЯКОВА Софья Михайловна (1839–1902), в замужестве Каминская.

ТРЕТЬЯКОВА Надежда Михайловна (1849–1939), в замужестве Гартунг. Имеется ее портрет работы Н. В. Неврева (1897), поступивший в Третьяковскую галерею в 1956 году.

Первые знакомства с художниками

Весной 1856 года Павел Михайлович познакомился в Петербурге с Худяковым и братьями Горавскими, Аполлинарием и Ипполитом. С Аполлинарием Горавским они с одного свидания почувствовали друг к другу расположение, и Павел Михайлович пригласил его в гости в Москву. В ноябре Горавский написал Павлу Михайловичу, что после Нового года собирается в Москву для определения маленького братца, Гектора, в кадетский корпус и «так как Вы были столь добры, – пишет он, – и приглашали меня остановиться в Вашем доме, то если я буду не в тягость, так позвольте мне иметь смелость прибыть к вам».

С 1857 года уже несколько художников бывают у Третьяковых, они делаются близкими и восторженными друзьями всей семьи. Москвичами были Неврев, Трутнев, который через некоторое время перебрался в Петербург, и Худяков, который после заграничного путешествия поселился в Москве. Из приезжающих были Горавские, Трутовский, Лагорио и, позднее, Риццони.

Александр Антонович Риццони был по происхождению итальянец. Родной город его отца – Болонья. Александр Антонович во время переездов из одной страны в другую, что на своем веку он делал много раз, всегда останавливался в Болонье и посещал дом, в котором когда-то жил его отец. Потом семья Риццони поселилась в Риге, где Александр Антонович часто гостил. Но в конце концов он поселился в Риме и только ненадолго приезжал в Россию. Он умер в Риме очень трагично, покончив с собой.

Я помню его с тех пор, когда он наезжал из Рима. Он был всегда в кого-нибудь влюблен, говорил с увлечением о предмете своей любви и когда остывал, то сам удивлялся, что находил хорошего. Нас, детей, очень любил. Он превосходно насвистывал, аккомпанируя себе на фортепиано. Страдая ревматизмом, ломотой в руках или ногах, он появлялся то в напульсниках, то, прихрамывая, с палкой, жаловался на «широкко» (сирокко), который его нервировал и выводил из себя, тогда он бывал очень зол и желчен.

Братья Горавские гостили в Москве весной 1857 года.

Александр Антонович Риццони был по происхождению итальянец. Родной город его отца – Болонья. Александр Антонович во время переездов из одной страны в другую, что на своем веку он делал много раз, всегда останавливался в Болонье и посещал дом, в котором когда-то жил его отец. Потом семья Риццони поселилась в Риге, где Александр Антонович часто гостил. Но в конце концов он поселился в Риме и только ненадолго приезжал в Россию. Он умер в Риме очень трагично, покончив с собой.

Я помню его с тех пор, когда он наезжал из Рима. Он был всегда в кого-нибудь влюблен, говорил с увлечением о предмете своей любви и когда остывал, то сам удивлялся, что находил хорошего. Нас, детей, очень любил. Он превосходно насвистывал, аккомпанируя себе на фортепиано. Страдая ревматизмом, ломотой в руках или ногах, он появлялся то в напульсниках, то, прихрамывая, с палкой, жаловался на «широкко» (сирокко), который его нервировал и выводил из себя, тогда он бывал очень зол и желчен.

Братья Горавские гостили в Москве весной 1857 года.

К осени А. Горавский привез в Москву, в корпус, и самого младшего брата. Мальчики, Гектор и Гилярий (впоследствии ученик Академии художеств), проводили все праздничные дни у Третьяковых. По субботам вечером за ними посылали человека, а в зимнюю стужу с шубами. На рост Гилярия не было шубы, и для него посылали женский салоп.

Аполлинарий пишет Павлу Михайловичу: «Если бы я знал, что дома все здоровы, так не выехал бы из Москвы, мы бы успели осмотреть с Вами все картинные галереи и по крайней мере хоть две или три недели лишних провели бы у Вас. Верите ли, я так к Вашему семейству привык и обязан ему, что навсегда останется в моей душе благодарность и буду питать истинное

расположение и всегдашнюю память... В корпус к братьям я послал письмо нонче же. Вы, пожалуйста, их не балуйте и не берите в дом так часто, и так уже немало для них делаете всевозможного удовольствия».

Горавский вспоминает свою любимую комнатку, в которой он гостил, и посылает поклоны родным Павла Михайловича и знакомым. Из этого списка мы узнаем людей, которые, конечно, не были близкими друзьями Павла Михайловича, но, любя искусство, были объединены с ним общими интересами. Это были Лепешкин, Хлудов, Четвериков, Солдатенков, галереи которых Горавский мечтал осмотреть. Покупали также картины Медынцев, Жегин, Шиллинг, которые не составляли галереи, а только украшали свои комнаты. Медынцев – может быть, даже в целях перепродажи. Он посылает поклоны им, а также художникам Рамазанову и Раеву.

Александр Антонович Риццони приехал в Москву к Третьяковым в 1862 году. Познакомившись с Павлом Михайловичем и получив приглашение побывать, Риццони пишет: «Благодарю Вас, Павел Михайлович, за Ваше любезное приглашение, непременно попользуюсь». И, побывав и погостив у них, он благодарит на своем курьезном языке: «Дорогой Павел Михайлович! Вперед всего скажу Вам и Вашему семейству искренняя моя благодарность за Ваши любезности право мне наконец даже совестно стало... Передайте Вашему семейству мой поклон и благодарите за меня. Сергею Мих. отдайте дружный поклон, также кланяйтесь Вашим любезным дамам, которых по именам не знаю. Преимущественно поклон Вашей мамаше».

В начале следующего года Риццони должен ехать пенсионером Академии за границу и мечтает путешествовать вместе с Павлом Михайловичем. «Интересно знать, – пишет он, – когда Вы приедете в Петербург, чтобы с Вами встречаться и если мне даже не удастся сделать с Вами путешествие по Испании и в Африку то все-таки было бы мне очень приятно путешествовать с Вами хоть до Парижа».

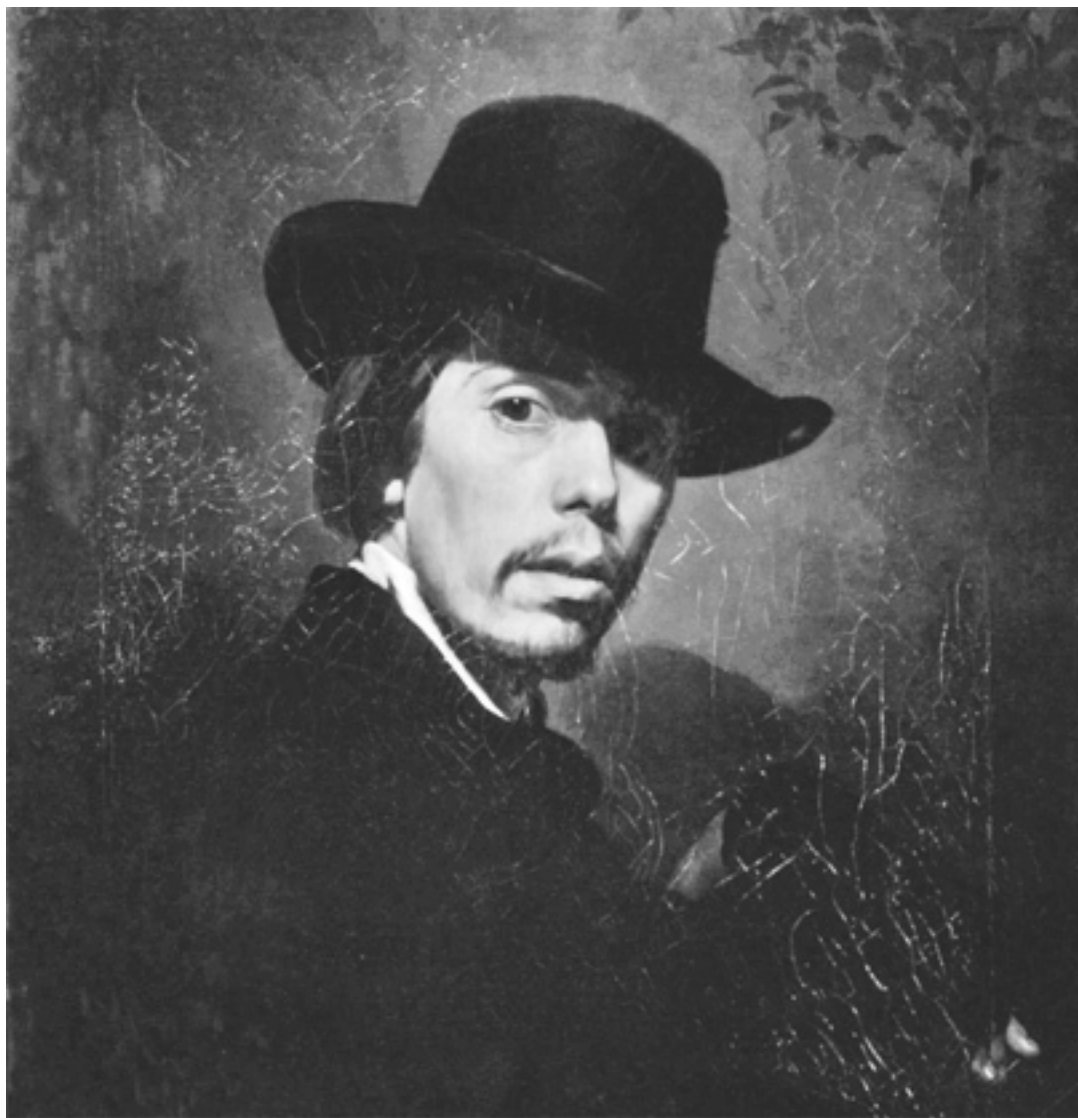
Об Аполлинарии Гиляриевиче Горавском и Александре Антоновиче Риццони нам не раз придется вспоминать, дружба их с Павлом Михайловичем не остывала до конца жизни.

Из появлявшихся периодически близки были, хотя и много меньше, чем вышеупомянутые, Лев Феликсович Лагорио и Константин Александрович Трутовский.

Трутовский сблизился с Павлом Михайловичем в тяжелую эпоху своей жизни. У него умерла молодая жена. Павел Михайлович имел случай выразить ему свое сочувствие. Вскоре умер и ребенок Трутовского, и он пишет Павлу Михайловичу: «Ваше расположение, которое Вы оказали мне, заставляет меня думать, что Вы примете участие в моем горе: я не застал уже моего сына, он скончался 28 февраля после долгих страданий. Если бы Вы знали вполне до какой степени я был к нему привязан, то поняли бы мое горе. Эта потеря просто убила меня.

...И вот в семь месяцев я понес две утраты, ничем не вознаградимые. Я потерял все, что было у меня лучшего в жизни; и не знаю, когда оправлюсь от горя. Ничто пока не в состоянии развлечь меня, я не могу пока приняться за работу. Мне отрадно теперь участие добрых друзей – и Вы мне сделаете большую радость, если напишете мне хоть несколько слов. Вы уже доказали мне Ваше расположение, и потому я надеюсь, что и теперь в нем не откажете. Я мало имею чести Вас знать, но уже привык уважать Вас».

В ближайшие годы Трутовский несколько раз проезжал через Москву по дороге из своей деревни Яковлевки – около Обояни – в Петербург и, доезжая до Москвы в своем тарантасе, оставлял его у Третьяковых, следуя дальше по железной дороге.

Николай Неврев. Автопортрет

Из москвичей самым близким семье Третьяковых человеком был Николай Васильевич Неврев. Он бывал у Третьяковых и зимой и летом, в городе и на даче. Ездил с ними в поездки. Так, он поехал в конце 50-х годов с ними в Киев и Одессу. Участвовали в этом путешествии Александра Даниловна, Софья Михайловна, Павел Михайлович и другие. По свойству своего характера Неврев обиделся, что дамы не сразу впустили его в комнату, а заставили ждать в коридоре. Он вылез в окно и уехал обратно в Москву. Он обижался часто и неожиданно. Можно было долго не узнать причину его обиды. Иногда он переставал приходить, сохраняя с отдельными членами семьи хорошие отношения. Такой период наступил в начале лета 1863 года.

«Так как, — писал он Павлу Михайловичу, — я на этих днях отправляюсь в деревню и навсегда, быть может, прощаюсь с Москвой, то прошу вас, добрый Павел Михайлович, прислать ко мне за вашими книгами и бюстом Гоголя... В свою очередь и вы распорядитесь доставить мне листки двух томов Живописной рус. библиотеки, мой станок с сиденьем для снятия пейзажей, лаковую большую кисть и портрет моей личности или, если вам нравится он и вы находите достойным иметь его в своем собрании картин, так как он находится у вас пять лет и еще не надоел вам, пришлите за него 100 рублей, за что буду вам очень благодарен. Заочно жму Вашу руку и прощаюсь с вами очень, может быть, навсегда.

Н. Неврев».

Портрет этот Павел Михайлович, по-видимому, ему отослал; в каталоге галереи при Павле Михайловиче он не числился. Он поступил в галерею в 1905 году, принесенный в дар Аркадием Ивановичем Геннертом.

Очень часто посещал Павла Михайловича В. Г. Худяков, когда жил в Москве. Об их отношениях можно судить только из писем Худякова из Петербурга. Безусловно, Павел Михайлович ценил его как художника, ценил его суждения и вкус, доверял ему свои планы, но свидетельств об очень большой душевной близости между ними мы в переписке не нашли.

Нежно любил Павел Михайлович Ивана Петровича Трутнева, который по письмам представляется симпатичнейшим человеком.

Вообще Павел Михайлович, когда чувствовал симпатию к кому-нибудь, выражал ее в письмах так тепло и ласково, что, глядя на его карточку со строгим, слегка сумрачным выражением, не верится, что эти письма пишет этот человек. И притом он был доверчив и шел навстречу всякому проявлению расположения.

В мае 1860 года за границу поехали втроем – Павел Михайлович, В. Д. Коншин и московский коммерсант Д. Е. Шиллинг. Этот последний, как знающий иностранные языки, был проводником и руководителем неопытных, говорящих только по-русски приятелей.

Во время путешествия Павел Михайлович переписывается с Софьей Михайловной. Но сохранились только ее письма. Она описывает свою спокойную жизнь и с нетерпением ждет его писем.

1 июня Софья Михайловна извещает брата, что после долгого ожидания получено письмо от него из Варшавы и следом из Дрездена, где он говорит о красотах Варшавы, о приятности впечатлений и о знакомстве с молодым поляком К. И. Волловичем. Она пишет о проводах Мартынова и о газетных статьях по поводу художественной выставки в Московском Училище живописи и ваяния.

«...В первом письме твоём, Паша, ты просил меня написать, как проводили Мартынова и видели ли мы его еще раз... Мне очень хотелось видеть его в последнем спектакле, да не пришлось, билета не могли никак достать.

Об художественной выставке появились пока только две статьи в «Нашем времени» известного тебе Андреева и в «Московских ведомостях» какого-то г-на М-ва. Андреев похвалил безусловно из русских художников только Худякова, другим же преподавателям порядком досталось от него, а Саврасова за пейзаж раскритиковал и Неврева за все его вещи. Г-н же М-ва в своей статье находит, что все наши художники заботятся больше об эффекте, чем о правде. Это увлечение эффектом он находит и у Худякова в его большой картине. Впрочем, этот М-ва очень строгий критик, он у всех нашел недостатки (не знаю, всегда ли дельно), только и похвалил особенно Вотье, да тоже очень похвалил твоего разбойника. Теперь до свиданья, пиши, пожалуйста, чаще и поподробнее...».

Через неделю она извещает Павла Михайловича: «...статья г-на М-ва о художественной выставке в Московских ведомостях (о которой я тебе писала) возбудила реплику со стороны Рамазанова, помещенную в Московском вестнике, впрочем, пока появилось только еще начало статьи, но и тут Рамазанов довольно резко отделяет г. М-ва, называет его просто фланером выставки, а не истинным знатоком и ценителем изящного».

«...Из твоего письма о Лондоне, Паша, – пишет она 22 июня, – я вижу что и на тебя он произвел такое же впечатление, как и на всех, видящих его в первый раз... но это было первое впечатление, а потом ты, кажется, заскучал... Уж не погода ли туманная и дождливая имеет такую способность наделять всех скукой. Отчего ты, милый Паша, не пишешь мне ничего о том, оставил ли ты намерение ехать в Италию... Прошу тебя, Паша, пожалуйста, не езди в Италию, вернись поскорее к нам, мы очень скучаем по тебе, да к тому же в Италии беспрестанные волнения, так что, мне кажется, путешествие туда не может быть совершенно безопас-

ным теперь. Мамаша тебя также очень просит не ездить, будь же так мил – послушайся нашей общей просьбы и вернись вместе с Володей, а то мы надумаемся о тебе».

Мы не знаем, что Павел Михайлович ответил на это письмо, но из описаний его поездки в письмах к друзьям видим, что он не внял мольбам сестры и, несмотря на незнание иностранных языков и политические волнения в Италии, один отправился в путешествие.

Более подробно о путешествии мы узнаем из письма Павла Михайловича к Волловичу. Во время пребывания в Варшаве наши путешественники познакомились с Волловичем. Они вместе осматривали Дрезден и разъехались, сохранив взаимную симпатию. Воллович поехал учиться в Мюнхенский университет, а три приятеля продолжали свой путь через Европу...

«Восемь месяцев прошло, как мы расстались с Вами, бесценный Киприан Игнатьевич, – пишет Волловичу Павел Михайлович 29 ноября 1860 г., – Вы, вероятно, подумали: скоро познакомились, скоро забыли; наобещали и заехать в Мюнхен и писать – и нечего не исполнили. Может быть, Вы уже и забыли кратковременное наше знакомство, но не забыли мы о Вас...

Вы знаете, расставшись с Вами, мы отправились в Берлин, потом были мы в Гамбурге, в Бельгии, в Англии, в Ирландии. Из Парижа отправились в Женеву, из Женевы в Турин. В Турине Дмитрий Егорович Шиллинг заболел, не серьезно, но ехать ему нельзя было, и мы вдвоем с Володей ездили в Милан и в Венецию. Возвратясь в Турин, мы разъехались: Володя и Шиллинг поехали кратчайшим путем домой, а я в Геную и далее на юг Италии...

Должен был я один, без товарищей, ехать в незнакомый край, да русский авось выручил. Был я во Флоренции, в Риме и в Неаполе. Был в Помпее, на Везувии и в Сорренто. Путешествовал прекрасно, несмотря на то, что не встретил ни одного знакомого человека; одно только было дурно, везде торопился, боясь не поспеть к августу в Москву, мечтал непременно побывать в Мюнхене. Желание мое все-таки не исполнилось, воротился только к 4 августа...».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.